ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА Смирнова Дмитрия Александровича на диссертацию Казакова Сергея Огановича «Консервативный транзит Эрнста Юнгера», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история)

Столь масштабная историческая фигура, как Эрнст Юнгер, привлекает внимание исследователей не только в виду той роли, которую мыслитель сыграл в развитии консерватизма в XX в., но также полнотой и глубиной его мыслей по поводу актуальных для него событий на всем протяжении прошлого столетия. Обращаясь к ним, Юнгер точно определял объективную значимость явлений, и его оценки сегодня значительно обогащают образ этих событий. Именно в свете изучения не только осмысления консерватизма как философско-политического течения, но и отражения в работах его ведущего представителя всего XX в. диссертационное исследование С.О. Казакова и представляется актуальной. Об этом свидетельствует и сам автор, отмечая, что его работа является не изучением влияния на отдельные работы мыслителя отдельных событий или периодов, но рассмотрение сохранения Юнгером цельности и органичности своего мировоззрения, несмотря на общественно-политические кризисы немецкой и европейской истории (с.4).

Исследование С.О. Казакова основано на широкой источниковой базе. Она включает в себя, прежде всего, политико-философские и историософские труды, литературные произведения, эссе, статьи Эрнста Юнгера, обширное эпистолярное наследие мыслителя и его интервью. Автор обращается как к основным, фундаментальным работам Юнгера, характеризующим его позицию в определенные исторические периоды в полной мере, так и документам второстепенного плана, например к переписке с целым рядом современников, что позволяет увидеть и проанализировать отдельные нюансы мировоззрения мыслителя и его оценки конкретных событий.

Однако, стоит отметить, что дополнительным элементом источниковой базы могли бы стать критические оценки современников мыслителя, его коллег

или оппонентов. Взгляды на творчество Юнгера со стороны отдельных из них представлены в историографическом обзоре исследования, также отличающемся достаточной широтой и глубиной и охватывающем период творческой активности мыслителя, начиная с 1934 г. Тогда стали изучаться, прежде всего, праворадикальные взгляды Юнгера, и как отмечает С.О. Казаков, «при всем тематическом обилии, на долгие годы за Э. Юнгером закрепился «бренд» философа экстремистско-консервативного толка» (с. 9). Также можно согласиться и с другой отмеченной особенностью историографии о том, что в работах о Юнгере присутствует «очевидное доминирование внимания к биографии, а не динамике его взглядов в историческом измерении»: «Рассмотрение историографии юнгеровского творчества показывает, что при всей довольно высокой степени его изученности, ряд важных аспектов, особенно с исторической точки зрения, остаются «в тени». Это относится в какой-то мере и к проблеме взаимосвязи между консервативной традицией и взглядами Юнгера» (с. 10). Это и позволяет автору сделать вывод, что привлекший его внимание «консервативные стиль, позиции и ценности на всем протяжении жизни Э. Юнгера не являются прямой и тем более основной темой для российских и зарубежных исследователей его наследия. Однако, отдельные фрагменты работ, посвященных этой проблеме, показывают, что именно в ней заложен стержень, позволяющий понять эволюцию его воззрений» (с. 37-38).

Диссертация С.О. Казакова состоит из трёх глав, две из которых разделены на три параграфа, введения, заключения и списка литературы и источников. Во введении автор убедительно обосновывает актуальность исследования, даёт обзор источников и историографии темы, определяет объект и предмет работы, осуществляет постановку цели и исследовательских задач. Представляя в качестве объекта «творческое наследие Эрнста Юнгера в контексте его консерватизма», охватывающее всё многообразие работ мыслителя, предметом исследования С.О. Казаков видит «консервативный транзит Э. Юнгера» (с. 39). Это понятие формулирует и обосновывает сам автор работы, полагая, что в отличие от понятия «эволюция» «транзит

оставляет возможность для частичного возврата, реверсивного движения при прохождении через различные идеологические пункты в ходе времени»: «В самом этом сложном процессе необходимо проанализировать соотношение субъективных факторов, обусловленных самой личностью мыслителя, и объективных — грандиозной трансформацией мира и соответственно консерватизма как идеологии, политической философии и типа политического действия. Учитывая масштаб личности и творчества Юнгера, следует иметь в виду, что его консервативный транзит помогает понять важные аспекты эволюции консерватизма в XX веке и в современности» (с. 39). С этим мнением можно согласиться. Действительно, позитивистский окрас понятия «эволюция» лишил бы возможности широкого и глубокого рассмотрения идей Юнгера с учётом не всегда однозначно прогрессивных моментов, характерных для истории Германии в XX в.

Однако, определяя цель исследования, С.О. Казаков не упоминает понятие «консервативный транзит» и пишет, что стремиться «раскрыть специфику консервативных воззрений Э. Юнгера как доминанты его творческой и общественно-политической жизни, а также как своеобразного отражения в его творчестве эволюции германского и европейского консерватизма в XX столетии» (с. 39). На наш взгляд стоило бы ещё раз акцентировать внимание на сформулированном авторе понятии, поскольку в самой работе впоследствии оно занимает чрезвычайно важное место. Это показывают и поставленные автором задачи, где он подробно раскрывает, какие аспекты консервативного транзита и в связи с чем его интересуют. Кроме того, понятие «консервативный транзит», как и «интегральный консерватизм» является связующим звеном положений, выносимых на защиту (с. 45).

Автор также объясняет свое внимание к понятию «транзит», представляя теоретическую и методологическую основу исследования. Кроме изменений собственно в консервативных воззрениях Юнгера С.О.Казакова интересует их взаимосвязь с событиями личной жизни и социально-политической истории. Это и позволяет, считает автор, открыть интегральность консерватизма Юнгера

(с. 43). Рассмотрение вопроса в таком ключе, что обоснованно, не может проходить и без учёта психологических факторов, внимание к которым также присутствует в концепции С.О. Казакова (с. 43). Своеобразным связующим элементом теоретической основы своего исследования автор видит концепцию «интеллектуальной истории» и это вполне оправдано. Для интеллектуальной истории характерно именно широкое присутствие биографического элемента в трактовке исторических событий и признание глубокого взаимовлияния человеческого сознания и материальных процессов.

Свою работу С.О.Казаков построил по хронологическому принципу, рассматривая в каждой из глав новый этап развёртывания консервативного транзита Эрнста Юнгера. Первая глава диссертации значительно меньше двух других, что позволяет задать вопрос о сбалансированности в подаче материала в работе. Первая глава в первую очередь касается становления мировоззрения Юнгера в послевоенное десятилетие, когда, с одной стороны, политическое пространство Веймарской республики было довольно свободно, но, с другой стороны, была велика опасность сближения с набиравшими популярность нацистами и другими политическими радикалами. Для самого Юнгера в этот период был характерен «праворадикальный феномен», что уже отражено в названии главы. С.О. Казаков на это обращает внимание и делает вывод, что когда мыслитель идейно сблизился с нацизмом «сближение правого радикала с нацизмом на уровне целей и моделей внутреннего развития и внешней экспансии Германии не было реализовано в практической политике, поскольку оказалось разграничено отношением к расовому вопросу, ксенофобии и в отказе от участия в легальном политическом процессе» (с.83). Однако при этом автор признает, что у Юнгера в этот период «внутренняя эволюция пока подчинена реваншистским устремлениям и внешним целям» (с. 84). Такое наблюдение и такая интерпретация исторической обусловленности идей Юнгера конкретными историческими событиями требовало более детального раскрытия, поскольку именно это является отличительной особенностью работ

по интеллектуальной истории, на которую как на свою теоретическую основу обращает внимание автор диссертации.

Вторая глава диссертации посвящена, возможно, самому сложному периоду жизни Эрнста Юнгера: его традиционалистскому сопротивлению тоталитарным условиям нацистской диктатуры и участию в преодолении нацизма после его краха инструментами либерального консерватизма. Многие из консерваторов «веймарского» периода не смогли удержаться от соблазна быть пригретыми гитлеровским режимом. Некоторые, сделав осознанный выбор, вошли в открытую конфронтацию и лишились жизни. И лишь совсем немногие, подобные Эрнсту Юнгеру или Конраду Аденауэру, в силу стечения различных, порой случайных обстоятельств остались живы, будучи незапятнанными сотрудничеством с нацистами. Для них также была характерна разная степень сопротивляемости, которая имела основу, прежде всего, в идеях. Это отражено и в работе Казакова в отношении Юнгера, который, по мысли автора, ещё задолго до конца войны стал искать пути последующего преодоления обществом нацизма. Это, как видно в диссертации, имело воплощение в первые послевоенные годы, но приобрело широкое развёртывание на фоне либерально-консервативной интеграции в ФРГ, когда Юнгер от радикализма уже перешёл в метафизику в понимании консерватизма. По мнению автора, «Юнгер предпочел смягчить свою позицию, сохранив при этом умеренную дистанцию по отношению к обществу и государству... Консервативный динамизм и упор на конкретность в оценках свидетельствует о том, что философ склонен к интегральному консерватизму, позволяющему сохранять некоторые убеждения и ценности, и на их основе формировать критический подход к происходящему» (с. 174). В связи с этим Казаков справедливо отмечает «как минимум» два важных элемента юнгеровского консервативного феномена: «наличие динамики воззрений в ходе изменяющихся обстоятельств и многослойности его консервативного мышления»: «Противоречие между диагностируемыми явлениями современности, прогнозируемой критикой будущего и традиционалистско-

консервативными ценностями, в какой-то мере, фрагментарно снимаются в результате метафизического баланса и консервативного синтеза. Признание основных тенденций современной цивилизации сочетается с их ценностным неприятием и последующим либерально-консервативным компромиссом» (с. 175).

Третья глава диссертации также демонстрирует сочетание разнонаправленных тенденций в творчестве Эрнста Юнгера, вызванных с одной стороны его личной критикой и пессимизмом по поводу актуальных европейских событий 1960 – 1970-х гг., а с другой ростом популярности «новых правых» и поднявшейся консервативной волной в 1980-х гг., в контексте которой идеи мыслителя оказались чрезвычайно востребованными. С.О. Казаков как раз отмечает, что на этом этапе «во всем богатстве проявилась структурная и ценностная иерархия мышления Эрнста Юнгера, обеспеченная интегральным консервативным стилем. Вопреки внешней противоречивости представлений о политике, государстве, человеке и истории, мыслителем осуществлен консервативный синтез, в котором стираются черты стилей различных типов консервативного мышления, в определенной последовательности и зависимости сочетаются их разнонаправленные содержательные единицы» (с. 227). Именно особенности развёртывания этого заключительного этапа жизни и деятельности мыслителя позволяют автору сформулировать составляющие формы и содержания интегрального консерватизма (с. 229). С.О. Казаков аргументированно обосновывает и вывод о том, что интегральный консерватизм Юнгера является «оптимальной моделью консервативного транзита, позволяющего использовать на разных уровнях континуитета весь имеющийся арсенал консервативной аргументации, без каких-либо ограничений. В такой модели Юнгер оказывается свободным и может перемещаться в своих суждениях в широком ценностно-типологическом диапазоне» (с. 230).

В заключении автор формулирует основные выводы своего исследования. Выносимые на защиту положения можно считать доказанными. Это позволяет

согласиться с тем, что идейному развитию Юнгера на всем протяжении научной деятельности был свойственен консервативный транзит, хотя его взгляды претерпели «серьезную трансформацию, находясь под влиянием исторических событий, внутренних и внешних факторов творческого и идейно-политического процесса» (с. 231). В работе это показано. Среди таких факторов отмечены «грандиозные события в истории Германии и Европы XX в.» (с. 232), «мотивационная структура его мировоззрения» (с. 233), «мощный антицивилизационный напор его произведений, неизменная позиция противника глобального нивелирования и мультикультурных процессов» (с. 233), «широта интеллектуального воздействия, оказанного на писателя в разное время» (с. 234), а также «специфика немецкого консерватизма и всей консервативной традиции в XX в.» (с. 234). Проделанное исследование и сформулированные автором выводы позволяют согласиться с тем, что «консервативный транзит воззрений Эрнста Юнгера является уникальным явлением духовной и политической культуры Германии и Европы XX в.» (с. 235).

Вместе с тем ряд моментов могли бы обогатить проведенное С.О. Казаковым исследование. Для работы могло бы стать полезным сравнение идей и рефлексии исторических событий интеллектуалами, находившимися с ним не по одну – пусть и условную – сторону, каковыми можно считать правых мыслителей, консерваторов и традиционалистов, но именно стоявших на другой стороне, прежде всего левых во всем их многообразии оттенков, богато представленных и в период Веймарской республики, и во второй половине XX в. И в этой связи материал для такого сравнения могли бы дать работы немецкого мыслителя Вальтера Беньямина, который довольно остро высказывался по поводу концептов Эрнста Юнгера, а с другой стороны с большим уважением относился к теориям Карла Шмитта, с которым у Юнгера, как показывает нам работа С.О. Казакова, были долгие годы дружбы и переписки.

В особой интеллектуальной атмосфере Веймарской республики, где общение представителей разных философских направлений могло быть чрезвычайно тесным, а использование ими идей друг друга – обычным явлением, столь близкое духовное сосуществование, таких разных мыслителей, как Вальтер Беньямин и Эрнст Юнгер, вполне объяснимо. Как и Беньямин, Юнгер свободно перемещался в идейном и географическом пространстве и считал, что он не вправе запрещать это делать другим. Политика, чистая в достижении своих идеалов, грязная по применению для этого своих методов, их обоих мало интересовала. И это возможно, как и показывает нам С.О. Казаков, помогло Юнгеру и в последующее время – в период нацизма, а также в эпоху немецкой послевоенной демократии – остаться таким интеллектуалом, интегральным мыслителем, заостренным на восприятие актуальных событий, но не замешанным в решении конкретных политических вопросов.

Впрочем, сходство интеллектуалов Беньямина и Юнгера и ограничивается лишь моделями личного поведения в условиях Веймарской республики. Идеи мыслителей сильно различались. Возможно, более тесное знакомство могло бы создать для них площадку для развития каких-то похожих интеллектуальных конструкций. Как можно судить по работе С.О. Казакова, все же и на Юнгера сильно влияла обстановка роста нацистских настроений, не говоря уже о левоориентированном Беньямине. Но все же Беньямин резко отверг одну из первых инкарнаций интегрированного консерватора, которую Юнгер представил к тому времени. Воин и война для Беньямина были неприемлемы как модели социального развития и он был против их мифологизации. Это и было выражено в рецензии на сборник статей «Война и воин», имеющей предельно говорящее название «Теории немецкого фашизма». В 1930 г. из уст мыслителя-марксиста это звучало как приговор.

Неожиданно для меня было узнать из работы С.О. Казакова, что Эрнст Юнгер был знаком и переписывался с Гершомом Шолемом, еврейским религиозным мыслителем, другом Вальтера Беньямина, много сделавшим для сохранения его наследия во второй половине XX в., а также чуть не

уговорившим его переехать в Палестину в 1930-е гг. Если бы это случилось, возможно мы бы имели сегодня в работе у С.О. Казакова целую главу, посвященную уже послевоенной дискуссии Юнгера и Беньямина.

Впрочем, высказанные замечания носят рекомендательный характер и не влияют не общую положительную оценку диссертационного исследования С.О.Казакова. Цель диссертационного исследования была достигнута в полном объёме, вынесенные на защиту положения можно считать доказанными. Автор продемонстрировал глубокое знание зарубежной историографии проблемы. Научная новизна диссертации не вызывает сомнений.

Автореферат диссертации полностью соответствует тексту диссертационного исследования.

Диссертационное исследование Казакова С.О. «Консервативный транзит Эрнста Юнгера» соответствует требованиям п. 9 «Положение о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Казаков Сергей Оганович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история).

Официальный оппонент:
Доктор исторических наук, Д.А. Смирнов
доцент кафедры всеобщей истории
и международных отношений
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
«20» октября 2014 года

153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
(4932) 32-62-10